

Простодушие гения

В незаконченном наброске Пушкина «Мы проводили вечер на даче...» есть такая сцена.

Барон Д** рассказывает «известный анекдот» о вопросе госпожи де Сталь Наполеону: «кого почитает он первую женщиною в свете?» и «забавном» ответе императора: «ту, которая народила более детей». Общество начинает обсуждать эпизод; Сталь упрекают, что она напрашивалась на комплимент; в ответе Наполеона видят «славную эпиграмму». «А мне так кажется, сказал Сорохтин, дремавший в Гамбсовых креслах, мне так кажется, что ни M-me de Staël не думала о мадригале, ни Наполеон об эпиграмме. Одна сделала во<прос> из единого любопытства, очень понятного; а Наполеон буквально выразил настоящее свое мнение. Но вы не верите простодушию гениев.

Гости начали спорить, а Сорохтин задремал опять»¹.

В пушкинском наброске есть несколько очень важных для его автора тем, которые мы находим и в других его произведениях. Сейчас нам важна одна из них — тема «простодушия гения», которая развернута, в частности, в «Моцарте и Сальери» и которая здесь вырастает из брошенной мимоходом реплики Сорохтина.

Способ, каким она вводится в рассказ, любопытен и связан со всей стилистикой наброска. Дело в том, что весь пушкинский текст опирается на бытовые реалии и на устные анекдоты — и уже в приведенной нами крошечной сцене заключен не один анекдот, а два.

Первый анекдот был, действительно, очень популярен. Он существовал в разных редакциях и восходил к самому Наполеону². По-русски его рассказал Вяземский. В статье о записках Жанлис в «Московском телеграфе» он писал: «Г-жа Сталь старалась привлечь к себе юного героя и однажды на многолюдном празднике у Талейрана обратилась к нему с вопросом: кого почитает он первую женщиною в свете из живых и мертвых? — Ту, которая более всех родила детей, — отвечал он ей наотрез. Озадаченная несколько подобною нечаянностью, старалась она придти в себя и, продолжая разговор, сказала ему, что он известен за человека, который мало любит женщин. Извините меня, сударыня, — возразил он снова, — я очень люблю свою жену»³.

Важный акцент: Наполеон здесь не шутит и не гово-

рит своей собеседнице колкостей: он откровенно выражает свое мнение. Такова мысль Вяземского — и он развивает ее во втором анекдоте, который в пушкинском рассказе свернут в реплику. Между 1819 и 1821 годом Вяземский помечает в своей записной книжке:

«Глупые и умные взапуски осмеивают мнение Румянцева о простодушии (bonhomie) Наполеона. И конечно, в поре силы нечего было ему лукавить; одним лукавством не совершил бы он геркулесских подвигов, тут нужны были страсти, а страсти всегда откровенны». В следующей записи он распространил свое рассуждение:

«Ник.<олай> Ник.<олаевич> <Новосильцов> рассказывал, что раз за столом у государя Румянцов, по возвращении своем из Парижа, в подтверждение своего мнения приводил, что однажды, разговаривая с Наполеоном, сказал он ему: „Как государь, вам, творцу такого величия, не подумать, что сколько вы ни всемогущи, но закон природы падет и на вас: избрали ли вы достойного наследника, преемника такой славы... — Поверите ли вы, граф, — отвечал Наполеон, ударяя себя по лбу, — что мне это и в мысль не приходило. Благодарю, вы меня надоумили“. — Оставляю на произвол решить, кто из них трех солгал»⁴.

В поздние годы, перерабатывая свои записки для «Старой записной книжки», Вяземский объединил две заметки следующим рассуждением: «В частных сношениях Наполеона с приближенными и подчиненными ему людьми была некоторая простота, как оказывается из многих рассказов и отзывов. К тому же по горячности своей он был нередко нескромен и проговаривался»⁵.

Нет сомнения, что слова Пушкина о «простодушии» Наполеона опираются на этот рассказ Вяземского, хотя, быть может, не только на него. Дело в том, что первый отрывок, где как раз и содержалась эта формула — «простодушие», «bonhomie» — Вяземский напечатал в «Северных цветах на 1829 год», в которых Пушкин принял ближайшее участие.

Устный анекдот переплавился в повествовательной ткани. В нее попало не только словечко «простодушие» (в черновике оно повторено дважды: Наполеон, пишет Пушкин, «простодушно» выразил свое мнение), — но и упоминание о спорах, разгоревшихся по поводу суждения Румянцева, — даже намек на среду, из которой оно вышло. Известно, что в Сорохтине почти портретно изо-

бражен Александр Иванович Тургенев, друг Вяземского, давний знакомец, а в последние годы и близкий друг Пушкина. В течение многих лет Александр Тургенев был своим человеком в доме канцлера графа Николая Петровича Румянцева; почти до смерти Румянцева в 1826 году он был постоянным участником его домашних обедов, на которые собирались Карамзин, Дашков, Блудов, Жуковский, — и где старый дипломат, возможно, не раз высказывал мнение, донесенное до нас записками Вяземского.

Впервые: Русская речь. 1987. № 6.

¹ Пушкин. Т. С. 420.

² См.: Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1972. С. 198—199.

³ Московский телеграф. 1826. Т. VIII. № 5. С. 44.

⁴ Вяземский П. А. Записные книжки: (1813—1848). М., 1963. С. 59.

⁵ Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 71.

«Неприятель на носу»

В 1815 году лицеист Пушкин записал в свой дневник забавный анекдот о Денисе Давыдове. Начало этого рассказа утрачено: до нас дошли только отрывки дневника.

«<...> большой грузинский нос, — читаем мы в сохранившемся фрагменте, — а партизан почти и вовсе был без носу. Д<авыдов> является к Б<еннигс>ену: князь Б<аграти>он, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу... „На каком носу, Д<енис> В<асильевич>? — отвечает генерал. — Ежели на вашем, так он уже близко, если же на носу князя Б<аграти>она, то мы успеем еще отобедать...”»¹.

Двадцатью годами позднее этот рассказ Пушкин включил в «Table Talk» в несколько измененном виде: «Денис Давыдов явился однажды в авангард к кн.<язю> Багратиону и сказал: „Главкомандующий приказал доложить в<ашем>у с<иятельств>у, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступить”. Багратион отвечал: „Неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близко; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать”»².

Нет сомнения, что рассказ идет от самого Давыдова.

Он очень в духе излюбленных им исторических анекдотов, с остроумными каламбурными концовками; он комически обыгрывает характерную черту его собственного облика — маленький нос, — над чем иной раз посмеивался сам Давыдов. Наконец, в нем действует Багратион — любимый начальник и старший друг знаменитого поэта.

Вместе с тем история эта записана дважды и в разных редакциях, и остается не вполне ясным, почему так произошло: потому ли, что Пушкину она была рассказана дважды и по-разному, или потому, что Пушкин сам в поздние годы обработал ее, превратив в миниатюрную новеллу.

Мы не знаем исходного рассказа, который записал и, быть может, обработал Пушкин. Нам известно лишь, что в лицейские годы Пушкин не был знаком с Давыдовым и, возможно, только видел его в 1811 году, когда мальчиком приехал в Петербург вместе с дядюшкой своим В. Л. Пушкиным. К 1835 году он был с Давыдовым не только знаком, но и дружен и многократно слышал его рассказы. Можно предполагать поэтому, что он уточнил и скорректировал анекдот, который впервые услышал в 1815 году из вторых уст.

Такому, наиболее естественному, предположению противоречит, однако, еще одна запись этого анекдота, опубликованная еще при жизни Пушкина и не попавшая в поле зрения исследователей. Она появилась в 1826 году в альманахе «Сириус».

Издатель этого альманаха М. А. Бестужев-Рюмин, ставший затем противником пушкинского литературного кружка и преследовавший Пушкина, Дельвига, Плетнева вульгарными насмешками в своей газете «Северный Меркурий», — Бестужев-Рюмин, печально прославившийся своими контрафакциями и высмеянный Пушкиным в памфлете «Альманашик», — по-видимому, пользовался какое-то время покровительством Дениса Давыдова. Во всяком случае, он получил от него стихи для двух своих альманахов «Сириус» и «Северная звезда», напечатал их с возможной бережностью и прозрачно намекнул в «Северной звезде» на эту литературную связь³. В «Сириусе» же он напечатал под своими инициалами («Б. Р.») «Анекдоты, мысли и замечания», в которые включил уже знакомый нам рассказ:

«Особенное хладнокровие и в самых опасных случаях принадлежало к числу прочих достойных свойств, ук-